

ARTYKUŁY ▶▶ HISTORIA

ЛАРИСА ЛЫКОШИНА ▶

Российская академия наук

Российско-польские отношения в 90-е годы XX в.

Abstract

Article is devoted to the analysis of relations between Russia and the Polish in the 90ies of the 20th century. The author comes to the conclusion that it was not an easy time for formation of the relations between the countries on the foundation of the principles of partnership and democratic. Considering different geostrategic interests of both countries and the heavy historical heritage it's hard to talk about harmony.

Keywords: Poland, Russia, Russian-Polish relations, Poland's eastern policy, geopolitical interests

Абстракт

Доктор исторических наук Лариса Лыкошина – Институт научной информации по общественным наукам РАН, главный научный сотрудник. Научные интересы: новейшая история Польши, политическая и партийная системы РП, российско-польские отношения.

Ключевые слова: Польша, Россия, российско-польские отношения, восточная политика Польши, геополитические интересы

90-е годы XX в. занимают особое место в истории российско-польских отношений. Именно тогда в совершенно новых условиях происходил поиск иного, отличного от прежних формата этих отно-

шений и вместе с тем обозначились некоторые моменты, определившие суть отношений между странами и в последующий период.

Первый некоммунистический премьер-министр Польши Тадеуш Мазовецкий подтвердил все обязательства Польши, связанные с членством в Варшавском договоре и СЭВ. В экспозе министра иностранных дел в правительстве Т. Мазовецкого Кшиштофа Скубишевского сотрудничество с СССР и Германией, обозначено среди приоритетных направлений польской внешней политики раньше, чем «расширение связей со странами западной цивилизации, США и Европой» (Szczepanik, Kuźniar, 2002, с. 21).

Вместе с тем, Т. Мазовецкий достаточно четко определил польские приоритеты, основывающиеся, прежде всего на обеспечении суверенитета. Именно суверенитет рассматривался как «исходный пункт» выстраивания новых взаимоотношений. «Новая глава» (по выражению Т. Мазовецкого) в российско-польских отношениях по мнению польского премьера предполагала «нормальность», отказ от идеологии, как фактора, определяющего эти отношения¹.

Политика правительства Т. Мазовецкого тем не менее, была достаточно осторожной и хотя свой первый визит он нанес не в Москву, а в Рим, но уже в конце 1989 г. польская делегация оказалась в Москве. Заметим, что первым иностранным гостем Т. Мазовецкого был председатель КГБ СССР В.А. Крючков. Осторожность Т. Мазовецкого проявилась и в вызвавшей массу упреков польской стороны его позиции в отношении вывода советских войск. И премьер и министр иностранных дел напрямую связывали эту проблему с решением германского вопроса и созданием новой системы европейской безопасности.

На пресс-конференции Т. Мазовецкого в феврале 1990 г. глава польского правительства прямо заявил, что до того момента, пока не будет окончательно урегулирован «немецкий вопрос» советские войска останутся в Польше. В марте того же года Т. Мазовецкий в интервью газете «Ле Монд» на вопрос о том, существует ли связь между

¹ Примечательно, что слово «нормальность» применительно к российско-польским отношениям нередко использует нынешний польский президент Б. Коморовский, считающий Т. Мазовецкого своим учителем.

пребыванием советских войск в Польше и урегулированием вопроса о границе с Германией ответил: «Конечно, мы хотели бы, чтобы когда - ни будь, эти войска вернулись домой, но связь между вышеназванными вопросами существует...» (Цит по: Dudek, 2002, с. 83). Примерно в том же ключе высказывался и К.Скубишевский.

В 1989, и 1990 годах польское руководство испытывало определенные опасения по поводу неизбежности своей западной границы и не форсировало вопроса о выводе советского воинского контингента. Однако после подписания польско-немецкого договора о неизбежности границы в ноябре 1990 г. опасения рассеялись. Более того, когда в апреле 1990 г. на встрече министров иностранных дел в Праге решался вопрос о статусе объединенного немецкого государства, Польша не поддержала позицию министра иностранных дел СССР Э.А. Шеварнадзе о придании ему статуса неприсоединившегося государства, настаивая на том, чтобы Германия входила в состав НАТО.

Проевропейскую ориентированность польской внешней политики К.Скубишевский продекларировал, определяя в апреле 1990 г. приоритеты последней. В первую очередь речь шла о создании системы европейской безопасности в рамках Конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе. Еще в конце 1990 г. министр иностранных дел Польши К. Скубишевский заявлял, что вопрос о вступлении Польши в НАТО не стоит.

Крушение социалистической системы и ее оплота – СССР – позволило Польше решительно изменить свою внешнеполитическую ориентацию, придав ей совершенно определенное евроатлантическое направление. В Польше стремительно разворачивался процесс формирования новой идентичности, основанной на безусловном принятии постулата о принадлежности страны к европейской цивилизации, о необходимости и правомерности возвращения в Европу. Политика по отношению к России стала по сути лишь производной западной политики Польши. Для России взаимоотношения с РП также утратили прежнюю значимость.

Польско-российские отношения в 90-е годы правомерно рассматривать в широком контексте «восточной политики» Польши. Термин «восточная политика» Польши является в известной степени условным и содержание его определяется во многом исторической

традицией, согласно которой к сфере восточной политики относятся отношения Польши с ближайшими восточными соседями (речь идет об Украине и Белоруссии) а также с Россией. Как правило, обращение к проблеме восточной политики не обходится без упоминания имен Ежи Гедройца и Юлиуша Мерошевского, идеи которых сыграли весьма заметную роль в формировании этого направления внешней политики Польши.

Причем, хотя к авторитету создателей парижской «Культуры» обращаются политики различной политической ориентации, нередко апелляция к наследию Гедройца-Мерошевского носит едва ли не ритуальный характер и не влечет за собой никаких реальных последствий. Между тем, в свое время статьи Мерошевского сыграли серьезную роль в изменении некоторых стереотипов польского менталитета, ибо были направлены против вековой «кресовой мечты». Ведь восточные кресы не просто территория, некогда входившая в состав Польши. Это в известном смысле духовная Родина польской цивилизации, своеобразный польский Иерусалим. С кресами связаны и Мицкевич, и Словацкий, и Пилсудский, и нынешний польский президент Б.Коморовский, и братья Качиньские.

Подчеркивая особую роль кресов, Мерошевский несколько десятилетий назад констатировал, в частности, что отношения между Россией и Польшей – это «лишь функция, той ситуации, которая складывалась в данный исторический период» (Mieroszewski, 1997, с. 352) на территориях Украины, Литвы и Белоруссии (УЛБ по определению Мерошевского). Успешное развитие этих отношений возможно, по мысли Мерошевского, при условии отказа от имперских амбиций не только со стороны России, но и со стороны Польши. Ю. Мерошевский считал совершенно неправомерным, осуждая российский империализм не признавать империализма польского, расценивая последний как благородную ягеллонскую идею. «Мы можем,- писал Мерошевский требовать от русских отречения от империализма с тем условием, что сами раз и навсегда отречемся от нашего традиционно-исторического империализма во всех его формах и проявлениях.

«Ягеллонская идея только для нас не имеет ничего общего с империализмом, однако, для литовцев, украинцев и белорусов она пред-

ставляет собой чистейшую форму традиционного польского империализма» (Mieroszewski, 1997, с. 353).

В вызвавшей широкий резонанс статье «Польская «Ostpolitik», опубликованной в 1973 г., Мерошевский настойчиво проводил мысль о том, что Польше не быть независимой от Москвы, пока не осуществится «одно из следующих условий: или Польша усилится, или Россия ослабнет. Так, или иначе, теперешняя диспропорция сил должна измениться... Польше не нужны новые территории, – но ей нужен хотя бы минимум независимости. Мы не можем бороться с советским империализмом под знаменем польского империализма – нельзя противопоставить советской национальной политике польскую национальную политику, поскольку народы, над которыми поочередно господствовали Польша и Россия, сегодня больше желают не либеральной национальной политики, а права на самоопределение» (Мерошевский, 2005).

Парижская «Культура» и при социализме оказывала серьезное влияние на общественное сознание поляков, имела широкое распространение, особенно среди оппозиционных кругов. После 1989 г. к идеям, пропагандировавшимся на страницах издания, в частности к концепции восточной политики Гедройца-Мерошевского, апеллировали многие польские политики. К числу их сторонников относится А. Квасъневский, дважды избиравшийся президентом Польши. Он был лично знаком с Гедройцем, переписывался с ним и признавался, что его видение отношений Польши с УЛБ формировалось под влиянием идей Гедройца (Kwaśniewski, 2000, с. 200). На протяжении всей истории внешней политики Польши после 1989 г. можно говорить о если не определяющей, то существенной роли идей Гедройца-Мерошевского во внешней политике страны.

Как полагает Б. Чихоцкий, парадигма польской восточной политики, предложенная Ю. Мерошевским и Е. Гедройцем, дискуссия вокруг статьи Мерошевского «Польская «Ostpolitik» привели к выработке единой программы восточной политики Третьей Речи Посполитой, проводимой наследниками как «Солидарности», так и ПОРП» (Чихоцкий, 2010).

Следует отметить, что в 1990-е годы большая роль в выработке основ восточной политике принадлежала польскому министру ино-

странных дел К. Скубишевскому, уделявшему этому вопросу особое внимание. По сути, изначально восточная политика Польши была направлена на реализацию идеи политического плюрализма, поддержку проевропейской ориентации Украины и Белоруссии, выстраивание партнерских и равноправных отношений с Россией.

Своеобразным свидетельством влияния этих идей на формирование новой ориентации польской внешней политики может служить принцип «двухколейности», принятый польской дипломатией после 1989 г. и означающий параллельное выстраивание отношений с СССР и отдельными республиками. Именно такая политика рассматривалась как наиболее адекватная в контексте провозглашенных летом 1990 г. союзными республиками деклараций о суверенитете. Нельзя не отметить, что не сразу польская сторона выработала твердые принципы в данном вопросе. Так известно, что Валенса в свое время поддержал ГКЧП², а в декабре 1991 г. выступая по советскому телевидению польский президент заявил, что рассматривает распад СССР как в высшей степени нежелательное событие, которое «закончится катастрофой и приведет к многочисленным жертвам. Пример Югославии должен служить предостережением» (*Rzeczpospolita*, 1991).

Это не совсем сочеталось с курсом на поддержку независимости Украины и вызвало недоумение украинской стороны.

Политика «двухколейности» имела некоторые ограничения. Так К. Скубишевский, встречаясь с представителями Украины и Белоруссии, не проявлял подобной активности по отношению к прибалтийским государствам.

Период «двухколейности» закончился вместе с распадом СССР и признанием Польшей независимости бывших советских республик. С окончанием этого этапа начался этап двусторонних польско-российских отношений.

В этих отношениях изначально совершенно особую роль играл исторический фактор. Примечательно, что уже в октябре 1989 г. польская сторона обратилась к руководству тогда еще существовав-

² По инициативе Л. Валенсы была подготовлена поздравительная телеграмма Г. Янаеву и только, благодаря решительному противодействию со стороны тогдашнего премьер-министра Польши Я. Белецкого телеграмма не была отправлена (Dudek, 2002, с. 186–187).

шего СССР с просьбой о расследовании факта гибели польских офицеров в 1940 г., а К. Скубишевский в апреле 1990 г. оценивал выяснение исторических споров как одну из важнейших задач польской восточной политики. Уже во время подготовки польско-российского договора 1992 г. возникли серьезные разногласия сторон по поводу вопроса о компенсациях жертвам сталинского режима. Польская сторона стремилась внести в документ положение о жертвах и, соответственно, компенсациях, российская – отказывалась это сделать, ссылаясь на то, что эти проблемы решаются в рамках внутреннего российского законодательства.

Именно на 90-е годы пришлась передача президентом СССР М.С. Горбачевым документов НКВД президенту Польши В. Ярузельскому, обнародование в 1992 г. по инициативе Б.Ельцина важных документов по этой проблеме. В конце 90-х появились кладбища в Харькове, Катыни и Медном, проводилась эксгумация останков расстрелянных польских офицеров.

Первые годы взаимоотношений демократической России и демократической Польши можно оценить как достаточно благоприятные. Россия неоднократно подчеркивала свое стремление выстраивать отношения с РП на основе принципов равенства, партнерства и исключения какого либо диктата. Между странами было заключено несколько десятков соглашений в разных сферах, подписан Договор о дружественном и добрососедском сотрудничестве, декларация о сотрудничестве в области культуры, науки и образования, Договор о торговом и экономическом сотрудничестве. Москва передала Варшаве большой массив архивных документов, в 1991 г. был подписан договор о выводе советских войск с территории Польши. Последние части советской армии покинули Польшу осенью 1993 г.

Но в этом же 1993 г. в принципе поступательное развитие российско-польских отношений столкнулось с серьезнейшими проблемами, обнаружившими всю глубину расхождения стратегических интересов России и Польши. Проблемы были связаны со стремлением Польши вступить в НАТО, что расценивалось польской стороной как вполне закономерный шаг суверенного государства.

Однако российская сторона усматривала в этом намерении угрозу своим национально-государственным интересам, не приемля при-

нения решений о расширении НАТО без согласования с российской стороной³. Относительно благоприятный период начала 90-х сменился обострением двусторонних отношений в 1994–1996 гг. В этот период Россия вывела из Польши свои войска, РП же заявила о своем стремлении присоединиться к НАТО.

Принципиальные различия в подходе к данной проблеме серьезно отражались на отношениях двух стран на протяжении всей декады 90-х годов. Россия не оставляла попыток убедить Польшу в необходимости отказаться от намерения вступить в НАТО, польская же сторона твердо придерживалась линии на вступление в Альянс, не принимая никаких российских аргументов. Решимость стать членом НАТО демонстрировалась всеми польскими лидерами, независимо от их политической ориентации. Это был воистину «надпартийный консенсус», «успех, имеющий много отцов» (по выражению А.Квасьневского). Заметим, что в дифференцированном и далеком от единства польском обществе 90-х годов за вступление в НАТО высказывалось более 80% поляков и даже вполне осознаваемые опасения по поводу возможного ухудшения отношений с Россией не являлись сдерживающим фактором. Реализация этой цели в 1999 г. была расценена в Польше как огромный успех, а в России как безусловный проигрыш.

Интересы России и Польши сталкивались и в выстраивании отношений с бывшими советскими республиками. Россия, исходя из концепции «ближнего зарубежья», возникшей в 1992 г. настаивала на своей особой роли на постсоветском пространстве, Польша же, акцентируя принцип суверенитета, стремилась не допустить проявлений со стороны России «постимперского синдрома».

Относительно благоприятный период начала 90-х сменился обострением двусторонних отношений в 1994–1996 гг. Именно в этот период происходит ряд неприятных инцидентов, в частности нападение на российских пассажиров на варшавском вокзале, открытие

³ Министр иностранных дел России в тот период Е.М. Примаков заявлял по поводу возможного расширения НАТО: «Россия имеет все основания соизмерять ход этих событий с возможными изменениями в геополитической и военной ситуации. Обновленная Россия вправе рассчитывать на учет своего мнения» (в: Примаков, 1999, с. 230).

в Кракове чеченского информационного центра, обвинения Валенсой премьера Ю.Олексы в сотрудничестве с российскими спецслужбами⁴.

Российская и польская стороны в этот период подчас отказываются от, казалось бы, бесспорно необходимых контактов: так в 1994 г. Ельцин не приехал на празднование 50-летия варшавского восстания, а в 1995 г. на празднование годовщины освобождения лагеря Аушвиц. Правда, российская сторона была представлена, но персонами более низкого статуса. В 1995 г. Б.Н. Ельцин не присутствовал на открытии памятника польским военнопленным в Катыни.

Смена политических лидеров обеих стран несколько меняла тональность российско-польских отношений, однако сущностное содержание их принципиальным изменениям не подвергалось. Вряд ли можно было ожидать иного, так как несовпадение стратегических интересов оставалось актуальным. Так и российский министр иностранных дел А.В. Козырев и его преемник на этом посту Е.М. Примаков, позиции которых отнюдь не были идентичны, стремились удерживать Польшу от вступления в Альянс. Козырев выступил в 1994 г. с предложением превращения Северного совета атлантического сотрудничества в самостоятельную организацию, призванную заменить НАТО, Е.М. Примаков в 1996 г. предлагал Польше гарантии безопасности в обмен за отказ от вступления в Альянс. Но в обоих случаях со стороны Польши последовал категорический отказ.

Правда, иногда возникали надежды на улучшение отношений в связи со сменой политической элиты. Именно такая ситуация сложилась, когда в 1995 г. президентом Польши стал А. Квасьневский. Если отношения между президентами Валенсой и Ельциным складывались явно неблагоприятно, то с приходом к власти Квасьневского, казалось, обозначилось некоторое потепление. Однако социал-демократы, так же, как и их предшественники во главу угла ставили евроатлантический вектор развития Польши, подчеркивая вместе с тем то обстоятельство, что позиция Польши на западе во

⁴ В 1995 г. после победы на президентских выборах А. Квасьневского Л. Валенса и министр внутренних дел Польши А. Мильчановский во время заседания сейма публично обвинили Ю. Олексы в шпионаже в пользу России. В ходе начатого следствия обвинения не подтвердились, но Ю. Олексы был вынужден подать в отставку.

многим зависит от ее позиции на востоке. Здесь роль Польши отнюдь не должна сводиться к роли «моста» или «связующего звена» между востоком и западом. Эта роль должна быть вполне самостоятельной и основываться на прагматических интересах Польши (Sojusz Lewicy Demokratycznej, 2014, с. 101–103).

При левых Польша сделала решительные шаги в сторону европейской интеграции, хотя тезис необходимость поддержания хороших отношений с Россией неизменно присутствовал во всех внешнеполитических документах этой политической формации.

Приход к власти в польском парламенте правых сил негативно отразился на российско-польских отношениях. В политической сфере последние были сведены до некоего минимально необходимого уровня. Ситуация была настолько неблагоприятной, что польский премьер, приезжающий в Россию на открытие мемориальных кладбищ в Катыни и Медном не был приглашен в Москву, а в период 1994–2001 гг. не состоялось ни одного официального визита главы российского государства в Польшу. При этом польский президент Квасьневский, совершив в 1996 г. официальный визит в Россию, всегда использовал возможность для неофициальных визитов. Так в июле 1998 г. А. Квасьневский посетил Москву с неофициальным визитом, во время которого встречался с президентом Б.Н. Ельциным. Во время встречи обсуждались такие важные проблемы, как вступление Польши в НАТО, предстоящий визит российского президента в Варшаву (визит, планируемый на декабрь 1998 г. так и не состоялся) (Бухарин, 2007, с. 73–74).

Одной из наиболее болезненных проблем в российско-польских отношениях в 90-е годы явилась проблема Чечни. Варшава пыталась установить прямые контакты с Грозным, представители польского МИДа встречались с Басаевым. В Польше действовало несколько информационных центров, наибольшим влиянием из которых пользовались комитеты «Свободный Кавказ» и «Польша-Чечня», одной из площадей в Варшаве было присвоено имя Д.Дудаева; неоднократно организовывались антироссийские акции, наиболее резонансной из которых явилась акция перед российским консульством в Познани, когда был осквернен российский флаг. Все требования российского правительства прекратить деятельность на территории Польши

сепаратистских чеченских организаций наталкивались на ссылки польского правительства на общественный характер последних и непричастность к их деятельности официальной Варшавы. При всей непопулярности в России чеченской войны, оскорбление России было болезненно воспринято российским обществом и вызвало волну антипольских настроений.

В новое тысячелетие Россия и Польша вступили в состоянии явного кризиса в отношениях, разворачивающегося на фоне взаимных упреков и обид

Итак, политические отношения между двумя странами развивались в 90-е годы не самым благоприятным образом.

Восстановлению торгово-экономических отношений не способствовал своеобразный диссонанс в протекании трансформационных процессов в обеих странах: Польша гораздо успешнее и быстрее, чем Россия шла по этому пути и периоды экономического подъема в Польше не соответствовали стадиям развития российской трансформации. Несомненно, не способствовало развитию двусторонних экономических отношений и стремление Польши как можно скорее войти в европейские структуры, евроатлантический вектор ее развития. Экономическая роль России все более сводилась к роли источника сырья.

Однако со временем объем экономических связей понемногу стал восстанавливаться, что связано со стабилизацией политического развития и динамикой процессов приватизации. Применительно к 1994–1997 гг. можно говорить о тенденции роста товарооборота. В 1997 г. Россия становится вторым по масштабам (после Германии) потребителем польских товаров, Польша же занимает 10-е место в российском импорте. Поступательное развитие торговых отношений было прервано кризисом 1998 г., но в последующие годы вновь обрело положительную динамику. Преобладающая в экономических связях двух стран торговля в 90-е годы развивалась в целом относительно независимо от политических отношений.

Этот тезис совершенно неприменим к сфере экономических отношений, связанных с энергоресурсами, с проблемой энергетической безопасности. В Польше различные аспекты проблемы энергетической безопасности страны вызывают повышенный интерес обще-

ственности и политического истеблишмента, имея при этом явно выраженную политическую составляющую.

Именно Польша является главным адептом идеи энергетической безопасности, подразумевающей определенное состояние экономики, обеспечивающее удовлетворение текущих и перспективных потребностей в энергоресурсах, при условии соблюдения технологических, экономических и экологических требований. Важнейшими факторами энергетической безопасности являются топливный баланс внутри страны; диверсификация источников энергии; наличие доступа к инфраструктуре транзита, хранения и распределения топлива и энергии.

В продвижении этой идеи Польшу активно поддерживают страны Вышеградской группы, Прибалтика. Однако идея диверсификации источников энергии не столь уж очевидно экономически выгодна для Польши, хотя бы потому, что российские нефть, газ и уголь обходятся полякам дешевле, чем энергетическое сырье из других стран. При этом необходимо учитывать и наличие уже существующей инфраструктуры для их транспортировки⁵.

В 90-е годы, когда формировалась евроатлантическая ориентация Польши, руководство страны, стремилось уменьшить зависимость Польши от российских источников энергии. В самом начале 90-х был построен нефтяной терминал в Гданьске, несколько позднее велись переговоры с Норвегией, Швецией, Данией странами Южной Европы с целью достижения диверсификации источников энергии.

В этой сфере интересы России и Польши в общем отнюдь не совпадают: если Польша старается, что вполне естественно, как можно более выгодно использовать свою роль посредника в транспортировке энергоресурсов, то Россия не менее естественно стремится как можно меньше прибегать к услугам посредников, реализуя проекты, позволяющие этого достичь.

Польские аналитики нередко подчеркивают особую роль Польши как посредника в развитии экономических связей между Россией и Европой, уповая на глубокое знание России, но представляется,

⁵ В настоящее время перед Польшей потенциально открываются новые энергетические перспективы в связи с разработкой проектов добычи сланцевого газа.

что в условиях глобализации эту посредническую миссию не стоит преувеличивать. Российско-польские экономические отношения явно несимметричны: Польша значительно больше зависит от России, чем Россия от Польши. Рычагов влияния на Россию у Польши не так уж и много в силу разного потенциала стран. Особенно четко эта ситуация обозначилась именно в 90-е годы. Сейчас ситуация несколько иная, что обусловлено членством РП в Евросоюзе. Хотя и по сей день о совместной восточной политике ЕС, которая более эффективно, чем в случае двусторонних отношений обеспечивала бы интересы Польши, говорить не приходится, хотя бы с силу того, что интересы сторон далеко не всегда совпадают и то, что выгодно Польше не всегда бывает выгодно странам «старой Европы».

Таким образом, 90-е годы XX в. не стали временем благоприятного и успешного развития отношений двух стран, вступивших на путь демократического развития. Слишком разными были представления о демократии, слишком серьезным было несоответствие стратегических интересов, слишком тяжел был груз исторических обид.

Библиография

- Бухарин, Н. (2007). *Российско-польские отношения: 90-е годы XX – начало XXI века*. Москва: Наука.
- Чихоцкий, Б. (2010, 8 февраль). *Поменяется ли парадигма восточной политики Польши?*. Скачать с сайта: <http://www.apn.ru/publications/print22370.htm>.
- Dudek, A. (2002). *Pierwsze lata III Rzeczypospolitej 1989–2001*. Kraków: Arcana.
- Kwaśniewski, A. (2000). *Dom wszystkich Polska*. Warszawa: Perspektywy Press.
- Mieroszewski, J. (1997). Rosyjski “komplex polski” i obszar ULB. W: J. Mieroszewski, *Final klasycznej Europy*. Lublin: Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej.
- Мерошевский, Ю. (2005, 23 września). *Польская „Ostpolitik”*. Скачать с сайта: <http://www.inosmi.ru/world/20050923/222489-print.html>.
- Примаков, Е. (1999). *Годы в большой политик*. Москва.
- Sojusz Lewicy Demokratycznej. (1994). *Nasz program dla Polski*. Warszawa: Sojusz Lewicy Demokratycznej.
- Szczepanik, K., Kuźniar, R. (red.). (2002). *Polityka zagraniczna RP 1989–2002*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe ASKON.
- . (1991, 7/8 декабрь). *Rzeczpospolita*.